Global Perspectives», May 3–4, 2002, Queen's University [Electronic resource]. URL: www.iigr.ca/conferences/archive/pdfsl/lecours.pdf (accessed: 02.04.2019).

8. *Royles E.* Regional government and the emerging Welsh Paradiplomacy. Paper for 59TH UK Political Studies Association Annual Conference Manchester, 2009.

9. *Soldatos P.* Cascading sub-national paradiplomacy in an Interdependent and transnational world // Brown M. D., Fry E. H. (Eds). States and provinces in the international economy. Vol. 2 of the North American Federal project. Institute of Government Studies Press, 1993. P. 45–63.

Рукопись поступила в редакцию 2 апреля 2019 г.

УДК 327.7 + 327.8 + 327(510)

З. З. Бахтуридзе
Н. А. Васильева
С. Н. Погодин

РОЛЬ ПЛАТФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА «16 + 1» В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЕС И КНР

Актуальность темы статьи определяется политикой КНР в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) на платформе сотрудничества «16 + 1» с 11 странами-членами и 5 странами — кандидатами в члены ЕС. На седьмом (2018) ежегодном саммите «16 + 1» отмечался рост объема торговли Китая и стран ЦВЕ в 1,5 раза. «Китайский фактор» может усилить центробежные настроения в странах ЦВЕ на фоне их неравных позиций в ЕС. Страны — кандидаты в члены ЕС могут использовать партнерство с КНР для лоббирования членства в ЕС. Методология исследования основывалась на сравнительном подходе, анализе источников и статистических данных. Для статьи использовались документы ЕС, КНР, заявления по итогам саммитов «16 + 1», экспертные оценки. В заключение отмечается, что в Брюсселе нет однозначной оценки роста влияния КНР на «периферию» ЕС. Представляется, что Китай не заинтересован в расколе ЕС, поскольку снизятся шансы реализации стратегического проекта «Один пояс — один путь».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Европейский союз, платформа сотрудничества «16 + 1», китайский фактор, межрегиональные связи, стратегические взаимоотношения.

В условиях первой четверти XXI в. наблюдается устойчивая тенденция к возрастанию числа неформальных объединений государств, что можно объяснить рядом факторов: во-первых, тем, что неолиберальная модернизация международной жизни в форме вестернизации уходит в прошлое на фоне «растущих гигантов» Китая и Индии; во-вторых, кризисные ситуации в ВТО, ЕС, АТЭС, НАФТА и ряде других межрегиональных интеграционных структурах свидетельствуют о их неспособности гибко реагировать на быстроменяющиеся условия современной экономики; в-третьих, становится очевидным стремление государств отстаивать национальные интересы, исходя из принципа самоидентичности.

© Бахтуридзе З. З., Васильева Н. А., Погодин С. Н., 2019

Согласно теории социального конструктивизма познание государством самого себя непосредственно связано с восприятием других участников международных отношений, что сопряжено с понятиями «национальный интерес» и «идентичность». Одной из важнейших задач в ходе реализации государством национальных интересов в международных отношениях, например в области обеспечения безопасности или экономической сфере, является задача сохранения своей идентичности [13]. Таким образом, выход за пределы жестких рамок международных бюрократических структур создает возможность реализовывать национальные интересы по принципу «adhoc», то есть по правилам, регулирующим деятельность временного характера, созданным для решения специальных политических, экономических или иных вопросов. Так действуют неформальные переговорные площадки «G 7», «G 20», «БРИКС» и др. В этом ряду можно рассматривать и платформу сотрудничества «16 + 1», возникшую по инициативе Китая в 2011 г. для развития политико-экономических и культурных взаимосвязей с 16 государствами Центральной, Восточной и Южной Европы. Китайская сторона предлагала европейским партнерам создать совместный секретариат, а в будущем — и международную организацию, но европейские участники предпочли проводить регулярные саммиты на базе неформальной переговорной платформы сотрудничества. По мнению экспертов Центра Карнеги, этот формат напоминает Форум по китайско-африканскому сотрудничеству, созданный в 2000 г.: основная активность происходит в двустороннем формате. Есть и дополнительный формат взаимодействия под эгидой Академии социальных наук Китая, в рамках которого открыт исследовательский институт в Будапеште [2].

Поскольку Китай был инициатором создания данного форума, то и отбор участников определялся китайской стороной. Важно отметить, что в формат «16 + 1» включены 11 стран — членов ЕС, а остальные в той или иной степени являются кандидатами в члены ЕС. Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Черногория, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения экономически и культурно сближаются не только с КНР, но и друг с другом. Тем более что у всех европейских стран–участниц сотрудничества есть общее социалистическое прошлое, когда существовали тесные экономические связи в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ). Все это дает возможность КНР использовать исторический момент для своих прагматических целей.

Важно подчеркнуть, что китайская стратегия развития взаимоотношений с другими странами во многом строится на использовании в практическом плане теоретических наработок Дж. Ная по проблематике «мягкой силы», где акцент делается на привлекательность культуры и ценностей страны для расширения ее международного влияния. По мнению Дж. Ная, в настоящее время Китай зачастую выходит за рамки «мягкой силы», поэтому к его международной политике применим и «термин «острая сила» в качестве аналога термина «информационная война», тогда контраст с «мягкой силой» станет совершенно очевидным. «Острая сила» является вариантом «жесткой силы». Она манипулирует нематериальной информацией, но нематериальность не является отличительным свойством

«мягкой силы». Например, словесные угрозы нематериальны, но это насилие. «Термином “мягкая сила” (это способность влиять на других за счет привлекательности и убеждения, а не с помощью жесткой силы принуждения и денег) иногда называют любую демонстрацию могущества без использования насилия. Но это ошибка. Могущество иногда зависит от побед армии или экономики, но оно также зависит и от умения убеждать» [4]. Поэтому в основе успехов международных проектов Китая («Один пояс — один путь», «16 + 1» и др.) лежит как «жесткая», так и «мягкая» сила, что можно рассматривать в качестве основных методов реализации национальных интересов.

Оценка эффективности платформы сотрудничества «16 + 1»

На последнем саммите в Софии (Болгария) было отмечено, что темпы роста торговых сделок между Китаем и странами-участницами были выше, чем между Китаем и ЕС в целом. Во многом это объясняется выгодным местоположением стран ЦВЕ, поскольку через их территории проходят важные транзитные пути, которые в перспективе необходимы Китаю для реализации проекта «Один пояс — один путь». Уже в настоящее время активно развиваются китайско-европейские грузовые перевозки. Сеть железных дорог связала 43 китайских города с 42 в 14 европейских странах. По мнению сербского эксперта З. Йовановича, «китайский фактор» может стать важным связующим началом на европейском континенте, разделенном как внутри ЕС (на богатый центр и бедную периферию), так и за его пределами. Как отмечает эксперт, бесконечные дискуссии о «многоскоростной» или «двухскоростной» Европе безрезультатны, необходим внешний импульс для сокращения социально-экономического разрыва внутри ЕС, чему и может способствовать платформа «16 + 1». По словам китайского министра иностранных дел Ван И, разделенный и ослабленный ЕС не отвечает интересам Китая. Плодотворные результаты сотрудничества «16 + 1» доказывают, что платформа является благом для Европы [10].

Китаю европейский регион необходим для интенсификации торговли в условиях жесткой конкурентной борьбы с США. По словам премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, сотрудничество в формате «16 + 1» является открытой, прозрачной, инклюзивной платформой межрегиональных связей, а также важным компонентом и позитивным дополнением к отношениям Китая с ЕС в целом. В болгарских газетах была опубликована статья Ли Кэцяна «Новое начало, новая надежда, новое путешествие», где подчеркивается, что «Китай и страны Центральной и Восточной Европы могут многое предложить друг другу, помочь и в экономике, и в других сферах. Мы приветствуем сильную развивающуюся Европу и сильный евро. Надеюсь, что наше сотрудничество поможет улучшить развитие государств и интеграции в ЕС тех стран, которые не являются ее членами. Нам есть чем помочь друг другу» [7].

В свою очередь, страны Центральной, Восточной и Южной Европы активно откликнулись на инициативу Китая, что объясняется рядом причин. По мнению западных экспертов, сербы, словаки, хорваты и чехи помнят о холодной войне

и кровавом конфликте во время распада Югославии в 1990-х гг., что заставляет их с меньшим доверием относиться к США и России, в то время как у Китая нет такого негативного исторического багажа. В частности, Сербия стремится к политическому нейтралитету, и ее власти часто называют Пекин «четвертым столпом» своей внешней политики наряду с Брюсселем, Вашингтоном и Москвой [12]. Кроме того, страны ЦВЕ недовольны двойными стандартами в политике Брюсселя и завидуют масштабам китайских инвестиций в страны Западной Европы. А страны–кандидаты в члены ЕС надеются использовать партнерство с Китаем для лоббирования своих позиций при вступлении в ЕС.

Взаимные надежды на успех развития платформы сотрудничества отразились в ходе седьмого саммита в 2018 г., в работе которого приняли участие государственные и правительственные руководители стран. В составе китайской делегации было более 500 бизнесменов, представителей 14 государственных агентств, администраций городов, научных институтов. На рассмотрение китайским коллегам были представлены проекты строительства атомной электростанции «Белене» в Болгарии, строительство тоннелей и магистралей в рамках развития транспортной инфраструктуры на территории государств Западных Балкан и другие проекты. Обсуждалось сотрудничество в области высоких технологий, инвестиций, индустриального партнерства, создание совместных предприятий, развитие инфраструктуры, сотрудничество в области сельского хозяйства, туризма [7].

По мнению Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в Литве Шэнь Чжифэй, «Сотрудничество 16 + 1» не выдвигает никаких политических требований, а является сугубо экономическим форумом, цель которого способствовать продвижению китайской стратегии «Один пояс — один путь». Поэтому Китай и все 16 стран–участниц платформы сотрудничества подписали соглашения о тесном взаимодействии между инициативой «Один пояс — один путь» и стратегиями развития стран Центральной и Восточной Европы [10]. Таким образом, китайская сторона использует трудности ЕС, где явно наметился разрыв в экономическом развитии центра и периферии. Конечно, многие европейские политические деятели понимают характер скрытых угроз в постепенном проникновении Китая в Европу. Так, экс-министр иностранных дел Германии З. Габриэль в планах Китая по восстановлению древнего Шелкового пути видит более масштабные амбиции: «Это не сентиментальный жест в сторону Марко Поло, а попытка создать комплексную систему, чтобы изменить мир в соответствии с интересами Китая» [12]. К сожалению, Брюссель не в состоянии активно субсидировать те страны, которые присоединились к ЕС после 2004 г., а потому руководство этих государств с энтузиазмом откликнулось на предложения китайской стороны.

С учетом финансовых возможностей и экономических потенциалов страны–участницы платформы «16 + 1» сконцентрировались на отдельных направлениях сотрудничества. Например, Болгария надеется на интенсификацию сельскохозяйственной отрасли; Польша рассчитывает на прямые инвестиции и крупные торговые сделки; Румыния надеется на реализацию крупных энергетических проектов, в частности в атомной отрасли, а Венгрия заинтересована в развитии

транспорта и туризма. Что касается прибалтийских стран, то Литва возлагает надежды на студенческий обмен и научные гранты, а Латвия намерена стать важным пунктом Нового шелкового пути и Морского шелкового пути XXI в. Эстония рассматривает механизм «16 + 1» и созданные им инструменты как надежные и перспективные источники технологий и инвестиций в энергетику и логистику [8]. Действительно, в первом квартале 2018 г. экспорт Литвы в Китай вырос на 73 %, где главным компонентом стала сельскохозяйственная продукция. Поэтому именно в Вильнюсе в 2018 г. состоялся форум министров сельского хозяйства «16 + 1». Наряду с этим Китай поддерживает стремление Литвы в 2019 г. провести форум финансовых технологий высокого уровня «16 + 1» и на его базе создать в Вильнюсе координационный центр по финансовым технологиям «16 + 1», что, по мнению китайской стороны, оправдано литовскими успехами в области «Fin-Tech» [10].

Таким образом, Китай стал рассматриваться как главный спонсор решения сложных социально-экономических проблем стран ЦВЕ и Западных Балкан. В первый период все ожидания сбывались. Был создан фонд целевых кредитов в рамках кооперативного механизма между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы ($10 млрд), с помощью которого был профинансирован первый проект в Боснии и Герцеговине по строительству ТЭС «Станари». В целом инвестиции Китая в Центральную и Восточную Европу увеличились с 1 млрд долл. США (на конец 2011 г.) до более 9 млрд в 2017 г. [Там же].

Однако за этим обнадеживающим ростом финансовых вливаний в экономику ЦВЕ скрывается большая опасность для стран Центральной и Восточной Европы потерять экономическую, а возможно, и политическую самостоятельность. Китай заинтересован в поддержке своих позиций в международной политике по проблематике прав человека и спорных вопросов в Южно-Китайском море. Например, Чехия, когда-то активно выступавшая за независимость Тибета, теперь значительно ближе к официальной линии Пекина и претендует на особую роль в отношениях ЕС с Китаем, что отразилось в словах президента Чехии М. Земана: «Представим Китай в виде корабля или даже флота. Каждый корабль нуждается в безопасной гавани. Чехия может предложить дружественную обстановку, политическое доверие и сотрудничество. Чехия может стать безопасным портом для китайских инвесторов, заходящих на рынки ЕС» [8].

По мнению ряда экспертов, Китай ведет свою инвестиционную политику достаточно жестко. В качестве примера можно привести Литву, Сербию и Черногорию. Открытый в 2014 г. в Сербии «Пупинов мост» стал первым крупным китайским инфраструктурным проектом в Европе. Хотя его часто называют символом сербско-китайской дружбы, однако сербская сторона должна будет не только выплатить Экспортно-импортному банку Китая $ 217,4 млн в течение 18 лет, но и предпочтительно закупать китайские товары, технологии и услуги. В сфере телекоммуникаций Китай ввел платежную систему China Union Pay, что означает проникновение в Европу системы для международных денежных переводов, которую не смогут заблокировать США [12]. Власти Словакии отмечают, что никаких масштабных китайских инвестиций в страну не пришло. Соглашение

Румынии с Китаем о постройке двух ядерных реакторов стоимостью 6 млрд евро не продвинулось с 2015 г. [1].

Одна из самых больших проблем строительства в Черногории заключается в сложном рельефе местности, строительство дорог в горах требует больших капиталовложений. Неудивительно, что руководство республики охотно подписало соглашение с китайской стороной о строительстве первой автомагистрали, которая должна связать Центральную Европу с портом на Адриатическом море. Реализация проекта сопряжена с большими техническими сложностями, потому что из-за горного рельефа шоссе будет опираться на столбы высотой с 50-этажный небоскреб. Но в итоге перед страной встали и большие финансовые проблемы, потому что уже сейчас за строящийся участок длиной 40 км долг Экспортно-импортному банку Китая и China Roadand Bridge Corp. составляет около $1,1 млрд. Пока Черногория не найдет еще $1 млрд, дорога так и останется незаконченной [12]. Таким образом, вырисовывается общая картина экономической политики КНР в рамках сотрудничества «16 + 1», где центральным моментом является постепенное превращение ЦВЕ в регион вассальной зависимости от Китая.

Страны ЦВЕ и страны Западных Балкан имеют разный экономический потенциал, структуру населения, объем внутреннего рынка, а потому по-разному складываются их отношения с китайской стороной. По мнению сербского политолога В. Зелени, например, у Польши и Чехии больше возможностей привлечь к себе широкомасштабные проекты, чем у их соседей на Балканах [14]. В результате растет скепсис по отношению к перспективам сотрудничества. Кроме того, членство в Европейском союзе накладывает определенные рамки на стратегию развития «периферийных» стран и их «китайские связи».

В то же время стратегия Китая по вхождению в европейский мир не ограничивается только экономикой, поэтому использование культурного ресурса можно рассматривать как важный источник «мягкой силы» Китая. Китайский язык, философия, музыка, кино, искусство, архитектура, китайская еда, китайская медицина, а также современные китайские города — все это мощные ресурсы для развития платформы сотрудничества «16 + 1».

Большим успехом в странах ЦВЕ пользуются институты Конфуция, где изучается китайский язык, проводятся выставки, концерты, осуществляются другие культурные проекты. Важным направлением взаимодействия Китая и европейских стран стало распространение и расширение академических контактов: обменные программы ученых и преподавателей, обучение иностранных студентов в китайских вузах и пр.

Показателен в этом плане опыт взаимодействия Китая и Польши. Так, порядка 30 китайских провинций и городов стали побратимами польских городов и регионов. В двустороннем сотрудничестве на местном уровне наметилась благоприятная тенденция. Число обучающихся в Польше китайских студентов превышает 1,3 тыс. человек, две страны подписали соглашение о взаимном признании ученых степеней и дипломов о высшем образовании. В Польше укрепляется всеобщее увлечение китайским языком, там открыты пять институтов Конфуция и два класса Конфуция, которые стали одной из важных платформ содействия

культурным обменам между государствами. Помимо этого 60–70 тыс. китайских туристов ежегодно совершают туристические поездки в Польшу, такое же количество поляков посещает КНР [6].

Особое внимание уделяется научно-техническим контактам, поэтому в 2015 г. Академия общественных наук КНР выступила с инициативой создания в рамках сотрудничества «16 + 1» сети мозговых центров («Think Tanks Network»). Основная задача этих интеллектуальных центров определялась стремлением Китая получить доступ к интеллектуальному капиталу стран ЦВЕ. Этот проект получил развитие, и в апреле 2017 г. в Венгрии был создан независимый мозговой центр «China-CEE Institute» [11], целью которого является интеллектуальное сотрудничество в рамках платформы «16 + 1».

Среди прочих инструментов китайской политики «мягкой силы» в европейских странах можно назвать продвижение брендов ведущих китайских компаний («Xiaomi», «Huawei», «Aliexpress», «Haier»), что является важным направлением экономической экспансии Китая на Европейском континенте.

Проблемные точки в сотрудничестве КНР со странами Европы

Принятые в 2016 г. «Элементы новой стратегии ЕС в отношении Китая» были рассчитаны на пять лет. Предполагалось, что удастся охватить практически все области сотрудничества, где необходимо провести определенное реформирование, в частности, выработать новое инвестиционное соглашение на основе открытости, соблюдения норм устойчивого развития и прав человека. Как отмечает российский эксперт Н. Еремина, в настоящее время переговоры ЕС с Китаем осуществляются в следующих форматах: ежегодный саммит ЕС — Китай на высшем уровне, который координирует все взаимодействия; экономический и торговый диалог ЕС и Китая на министерском уровне; совместный торговый комитет и др. К сожалению, камнем преткновения остается вопрос о правах человека, поэтому стороны стремятся договариваться в основном по вопросам торговли и инвестиций [3].

Таким образом за прошедшие годы Китай закрепил свои позиции в Европе, особенно среди «периферийных» членов ЕС и кандидатов на вступление в ЕС. В определенной мере этот факт стал неожиданным для руководства Евросоюза, хотя этого следовало ожидать, учитывая неспособность Евросоюза выделять дополнительные средства отдельным нуждающимся странам-членам. Как отмечают эксперты Центра Карнеги, «в Брюсселе и других европейских столицах опасаются, что таким образом Китай пытается применить в Европе тактику “разделяй и властвуй”. Результаты неоднозначны, и китайского финансирования пока явно недостаточно, чтобы расколоть ЕС. Но Брюсселю стоит внимательно следить за развитием событий: ситуация может измениться» [2].

Важно подчеркнуть, что в основе китайской политики по отношению к Европе лежит принцип двусторонних соглашений с отдельными членами ЕС, что подрывает основы общеевропейской интеграционной стратегии, а главное может привести к фактической потере контроля над экономикой стран ЦВЕ. «Поэтому динамичное ядро Европы должно найти компромисс с периферией, иначе Китай

может воспользоваться расколом между ними. Но периферий много. Северная Европа хочет доступа на китайский рынок. Восточная Европа надеется заменить китайскими деньгами сокращающиеся субсидии Брюсселя. Южная Европа уже получила значительные китайские инвестиции» [2]. Таким образом, в Евросоюзе сложилась непростая ситуация, поскольку, с одной стороны, не только периферийные члены Союза, но и ведущие экономики заинтересованы в китайских инвестициях, а с другой стороны, в Брюсселе Китай зачастую предстает в образе «троянского коня», способного усилить центробежные тенденции в ЕС.

Однако многие эксперты сходятся во мнении, что на данном этапе опасения в отношении китайской экспансии в Европе сильно преувеличены по двум основным причинам.

Во-первых, китайская сторона предпочитает не прямые инвестиции в экономику стран ЦВЕ, а кредиты, и по ставкам выше европейских (они снижаются при условии закупки китайского оборудования или привлечения китайских подрядчиков). Более того, реальные масштабы и условия финансирования не совпадают с ожиданиями участников платформы сотрудничества «16 + 1». Например, Китай пообещал Словении 1,3 млрд евро на железную дорогу в обмен на 99-летнюю аренду порта Копер. Но Словения отказалась, и теперь проектом занимаются немецкие и австрийские фирмы [Там же].

Во-вторых, кроме Китая достаточно сильные позиции, особенно на Балканах, имеет Турция, которая надеется на возрождение Балканского союза в ответ на нежелание ЕС принять ее в свои ряды. Нельзя не учитывать и влияние России, которая традиционно присутствует в этом регионе. Недавний обмен визитами высших должностных лиц России и Сербии дает основание министру иностранных дел Сербии И. Дачичу заявить: «Если ЕС нас не хочет, то захочет Россия». По оценке Британского комитета по внешней политике, влияние России на Западных Балканах слабое, прежде всего из-за незначительного присутствия в сфере экономики, слабее, чем китайское или турецкое влияние, но вместе с тем оно и самое опасное, поскольку «русские готовы на все» [5].

Таким образом, платформа сотрудничества «16 + 1» в стратегических взаимоотношениях ЕС и КНР начиная со второго десятилетия XXI в. играет не последнюю роль в развитии стран Центрального, Восточного и Южного регионов европейского континента. Несмотря на множество проблем, которые возникают в ходе реализации проектов сотрудничества «16 + 1», страны ЦВЕ, а также западно-балканские государства видят в «китайском факторе» возможность преодолеть экономическое отставание от своих западных партнеров. В последние годы отмечается возрастание не только экономического, но и политического, а также культурного сотрудничества, чему китайская сторона придает большое значение. Условиями для этого являются стабильная политическая обстановка, развитый рынок, дешевая и образованная рабочая сила, что привлекает китайских бизнесменов и дает надежды на эффективную реализацию проекта «Один пояс — один путь».

Вместе с тем в руководстве Евросоюза наблюдается рост алармистских ожиданий от экономической активности Китая на европейской периферии.

По мнению ряда европейских чиновников, может углубиться разрыв внутри ЕС, что может обернуться распадом Союза. Однако на данном этапе китайская сторона постоянно подчеркивает свою приверженность международным нормам и правилам ЕС, и ее экономические и культурные инициативы не выходят за установленные рамки. В целом можно сказать, что политика Китая в рамках платформы сотрудничества «16 + 1» определяется тактикой «мягкой силы», что проявляется в образовательных обменах, культурных форумах, значительно возросшем туристическом обмене. Таким образом, Китай создает новую зону влияния на европейском континенте, что усиливает его позиции в глобальной конкурентной борьбе за рынки сырья и сбыта своей продукции, особенно в условиях конфронтации с США.

---

1. Восточная Европа уже меньше надеется на Китай [Электронный ресурс]. URL: https://lv.sputniknews.ru/world/20180705/8751012/16-1-summit-china-sofia.html (дата обращения: 14.02.2019).

2. *Годеман Ф., Васелье А.* Китай у ворот: новый аудит отношений Китая и ЕС [Электронный ресурс]. URL: https://carnegie.ru/2018/04/03/ru-pub-75969 (дата обращения: 02.02.2019).

3. *Еремина Н.* Китай проникает в ЕС. Брюссель опасается сопряжения стратегических инициатив Пекина и Москвы [Электронный ресурс]. URL: http://eurasia.expert/kitay-pronikaet-v-es-bryussel-opasaetsya-sopryazheniya-strategicheskikh-initsiativ-pekina-i-moskvy/ (дата обращения: 07.02.2019).

4. *Най Дж.* Мягкая и острая сила Китая [Электронный ресурс]. URL: https://inosmi.ru/economic/20180110/241144649.html (дата обращения: 14.02.2019).

5. *Никифоров Л.* Западные Балканы на пути в Евросоюз [Электронный ресурс]. URL: https://regnum.rможетu/news/2461956.html (дата обращения: 07.02.2019).

6. Обзор: инициатива «Пояс и путь» и сотрудничество «16 + 1» способствуют всестороннему развитию китайско-польских отношений [Электронный ресурс]. URL: https://finance.rambler.ru/economics/37369664/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 14.02.2019).

7. Представители Китая и 16 стран Европы обсудят в Софии экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/5354569 (дата обращения: 07.02.2019).

8. Проект «16+1» — тест на европейскую состоятельность Украины [Электронный ресурс]. URL: http://www.tianxia.link/ru/article/5738-proiekt-16-1-tiest-na-ievropieiskuiu-sostoiatiel-nost-ukrainy (дата обращения: 14.02.2019).

9. *Соколова О.* Премьер Китая назвал «платформу 16 + 1» (16 стран Центральной и Восточной Европы + Китай) выгодным для Европы форматом сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: http://erece.org/2018/07/06/platforma-16-1-kak-vygodnoe-sotrudnichestvo-dlya-evropy/ (дата обращения: 02.02.2019).

10. «Сотрудничество 16 + 1» не является геополитическим инструментом, это совместная рабочая платформа [Электронный ресурс]. URL: https://www.obzor.lt/news/n41425.html (дата обращения: 02.02.2019).

11. China launches “China-CEE Institute” think tank in Hungary; Gong Rong [Electronic resource]. URL: https://news.cgtn.com/news/3d4d444f78597a4d/share_p.html (accessed: 14.02.2019).

12. Trophy Infrastructure, Troublesome Debt: China Makes Inroads in Europe [Electronic resource]. URL: https://mia.mk/2018/11/trophy-infrastructure-troublesome-debt-china-makes-inroads-in-europe/?lang=en (accessed: 08.02.2019).

13. *Wendt A.* Collective Identity. Formation and the International State // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 88, № 2. P. 384–396.

14. *Zeneli V.* Central and Eastern Europe: China's Stepping Stone to the EU? Nov. 30. 2016 [Electronic resource]. URL: http://thediplomat.com/2016/11/central-and-eastern-europe-chinas-stepping-stone-to-the-eu/ (accessed: 14.02.2019).

Рукопись поступила в редакцию 25 марта 2019 г.

УДК 327.7 + 327(520) + 327.37

Н. П. Дронишинец

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЕС И ЯПОНИЕЙ В ОБЛАСТИ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема исследования обусловлена тем, что современный глобальный мир определяется растущим влиянием КНР и ослаблением роли США. Неопределенность в архитектуре глобального управления, созданная администрацией Д. Трампа, побуждает Японию и ЕС поднять сотрудничество на беспрецедентный уровень. Новизна работы заключается в том, что в ней анализируются два важнейших соглашения между ЕС и Японией — о стратегическом партнерстве и об экономическом партнерстве, подписанных в 2018 г. и вступивших в силу в 2019 г. В качестве методологии автор использует онтологический конструктивизм с эвристическими возможностями концепции глобального управления, что позволяет рассмотреть эволюцию, факторы формирования стратегического партнерства в области глобальной и региональной безопасности между ЕС и Японией.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сотрудничество, безопасность, Европейский союз, Япония.

Введение

25 июня 2018 г. Верховный представитель Европейского союза Ф. Могерини представила министрам иностранных дел ЕС второй ежегодный Доклад о Глобальной стратегии ЕС: год действий, направленных на решение «предсказуемой непредсказуемости». В докладе было отмечено, что со времени принятия в 2016 г. Глобальной стратегии ЕС миропорядок стал более неустойчивым и неопределенным. В то же время значительно выросла роль ЕС на мировой арене. В этой сложной обстановке ЕС продолжил играть ведущую роль в области дипломатии, сотрудничества и поиска компромиссов в соответствии с Глобальной стратегией ЕС. Европейский союз углубил экономическую дипломатию и расширил свою роль в области безопасности в Азии, в частности, завершил переговоры с Японией по Соглашению о стратегическом партнерстве и Соглашению об экономическом партнерстве [13, 14].

Сегодняшний глобализированный мир определяется растущим влиянием Китая и ослаблением Америки. Китай бросает вызов США в экономическом, политическом и военном отношении, представляет собой серьезный вызов

© Дронишинец Н. П., 2019